

«Увещание», или «Протрептикос», напоминает произведения Юстина, Татиана и Афинагора, охарактеризованные выше. Климент увещевает язычников оставить поклонение идолам, чтобы обратиться к истинному Богу. Он показывает нелепость их басен и смехотворность их культа. Греческие философы и поэты уже доказали аналогичной критикой необходимость культа более духовного, нежели идолопоклонство, но только в речах пророков содержится Откровение об истинном Боге. Поскольку истину нам открывает Сам Бог, какое тяжкое заблуждение не принимать ее! Язычники отказываются от истины под тем предлогом, что нехорошо отвергать веру отцов и религию своей родины. Но суть не в этом. Речь идет исключительно о знании того, что есть истина и благо, с тем, чтобы следовать ему. Ведь человек не считает себя обязанным всю жизнь питаться пищей, подходящей ребенку, и носить одежду своего детства; тем более нет оснований всю жизнь упорствовать в том, что очевидно является заблуждением. Напомнив о благодеяниях, оказанных людям Иисусом Христом, Климент призывает эллинов обратиться к Нему как к единственному владыке истины. Это произведение очень риторично, оно написано более живо и непосредственно, чем последующие, в нем явно ощущается влияние Юстина и Татиана.

Представим себе этого обратившегося язычника; нужно переменить его нравы, и этому посвящена книга «Педагог». Кто он? Люди грешны, но миссию педагога берет на себя Слово, чтобы положить предел греху. «Педагог» — вот имя, которое приличествует Слову, быть может, даже больше, чем «Учитель», потому что учитель лишь просвещает разум, тогда как педагог совершенствует душу, уча доброй жизни. Чьим же педагогом является Слово? Всех людей без различия. Климент энергично протестует против тезиса гностиков, будто спасительное знание предназначено лишь для некой аристократии спасения. По отношению к спасению все христиане равны с момента принятия крещения. Перед Богом и самые высокородные, и самые униженные суть только дети, и самые невежественные — такие же Божьи дети, как и самые просвещенные. Даже новообращенный простолюдин, если он воспринял веру, уже приведен к свету; а между светом и тьмой никакого промежуточного состояния нет. Когда Климент говорит об истинно христианском «гнозисе», он ни в коем случае не имеет в виду «гно-зис», который бы отличал от остальных христиан некую религиозную элиту. Наоборот, он хочет сказать, что христиане и являются настоящими гностиком и только они имеют право на это звание. Конечно, некоторые христиане знают больше и лучше, чем другие, но оттого они не становятся в большей степени христианами. В этом пункте Климент исходит из слов Евангелия: «Воля Отца моего есть та, чтобы всякий, видящий Сына

37.3. Александрийская школа

и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Ин 6-40)*. Значит, не нужно ничего больше, кроме веры, ибо, если вера полна и совершенна сама по себе, то нет ничего, что требовалось бы в дополнение к ней. Нелишне вспомнить об этом принципе, когда, утвердив достаточность веры, Климент позволит себе удовольствие пофилософствовать.

Итак, педагог — это Слово, и оно просвещает всякого человека, приходящего в мир. Но каким образом? Маркион разделял Отца — Педагога-Судью, лишённого доброты, и Слово — Доброго Педагога, который не вершит суда. Но христиане, напротив, знают, что нет двух Богов и поэтому доброта не должна быть отделима от суда. Конечно, научение, осуществляемое божественным Педагогом, исполнено прежде всего доброты; Он нас воспитывает, движимый заботой о нас, потому что Его цель — наше спасение. Но Он умеет быть и суровым, вершить суд, когда это необходимо. Кормчий, направляющий корабль в гавань, иногда вынужден править против штормового ветра. Педагог тоже